

*С.А. Кириллина**

**БУНАБАРДИ-ПАША И «ВОИНСТВО ШАЙТАНА»:
ИСЛАМ В ПОЛИТИКЕ ВОСТОЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
БОНАПАРТА 1798–1801 гг.**

Целью данной статьи является анализ основных черт и последствий религиозной политики французских властей во время экспедиции Бонапарта в Османский Египет. Французы развернули происламскую пропагандистскую кампанию, которая включала демонстрацию уважения к религии страны, поддержку ежегодного мусульманского паломничества в Мекку и исламских празднеств. Эта кампания была нацелена на завоевание симпатий местных мусульман, воспринимавших захватчиков как безбожных чужестранцев. Особое внимание уделялось исламским институтам и высшим религиозным авторитетам – шейхам и улама, которые рассматривались в качестве единственной местной социальной опоры оккупационного режима. Однако выдержанные в происламском духе декларации и соответствующие им акции французской администрации не смогли предотвратить неизбежные последствия военного присутствия французов в чуждой для них стране. Одна из задач статьи состоит в том, чтобы ответить на вопрос: каковы были причины провала религиозной политики Бонапарта и его преемников на посту главнокомандующего французской армии в Египте – генералов Клебера и Менау.

Ключевые слова: Бонапарт, Османский Египет, Османская империя, ислам, исламские институты

Вторжение экспедиционного корпуса под командованием генерала Бонапарта стало главным событием египетской истории рубежа XVIII – XIX вв., ознаменовавшим начало «сладостно-горького взаимодействия»¹ между Египтом и западным миром. Долгосрочные последствия кратковременного пребывания французов на египетской земле проявились в полную силу лишь полвека спустя. Однако первый контакт лицом к лицу, сопровождавшийся напряженным военным противостоянием и столкновением разнородных культурных традиций и ценностей, был болезненным и

** Светлана Алексеевна Кириллина, доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова*

¹ *Crabbs Jr., Jack A. The Writing of History in Nineteenth-Century Egypt. A Study in National Transformation. Cairo, 1984. P. 13.*

драматичным. В конфликте противостоящих сторон особое место заняла проблема инаковости, актуализированная в рамках фундаментальной оппозиции «Свои» – «Чужие», и связанных с ней мифов и стереотипов взаимовосприятия.

Все другие колониальные державы, будь то Англия, Испания, Португалия или Нидерланды, даже если они покровительствовали местным верованиям на подчиненных территориях афроазиатского региона, тем не менее проводили интенсивную прозелитическую политику, ассоциировавшуюся с определенным направлением христианства. В то же время Франция представляла собой «нестандартного» противника, который, по крайней мере, формально не придерживался иных духовных ориентиров, кроме идей Французской революции XVIII в. Отсутствие у французской армии религиозной атрибутики и священников, призванных поддерживать в боях бодрость духа, вызвало искреннее недоумение египтян уже на начальном этапе экспедиции².

Мусульманский Восток вступил в войну с мощным европейским государством, публично размежевавшимся с христианством и инициировавшим волну массовых репрессий против духовенства. При общении с местным населением французское командование афишировало свой воинственный антихристианский настрой, о чем свидетельствует следующая констатация, содержащаяся в изданном после вторжения манифесте: «[Мы] пришли в Великий Рим и уничтожили власть папы, который постоянно подстрекал христиан к войне против мусульман, а после этого отправились на остров Мальту и изгнали оттуда рыцарей, утверждавших, что Бог Всевышний повелел им вести войну с мусульманами»³.

Строго говоря, те мероприятия, которые предпринимались религиозно индифферентными французами в отношении египетских исламских институтов, нельзя назвать в прямом смысле религиозной политикой. Скорее речь должна идти о выработке линии поведения в вопросах религии, которая бы способствовала смягчению и «очеловечиванию» «образа врага». Стремясь снискать

² Весьма показательна в этом отношении ситуация, когда во время празднования дня провозглашения Французской республики в сентябре 1798 г., то есть немногим более месяца спустя высадки французов в Египте, местные жители приняли зачитавшего обращение Бонапарта к солдатам генерал-адъютанта Буайе за главного священника французов: *Ал-Джабарти, Абд ар-Рахман*. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801) / Пер. с араб., предисл. и прим. И.М. Фильштинского. М., 1962. С. 85, 488.

³ Там же. С. 55.

расположение мусульманского населения Египта, французское командование старательно подчеркивало свое уважительное отношение к религии пророка Мухаммада. В процитированном выше воззвании, адресованном жителям первого из оккупированных Бонапартом городов – Александрии, вопросу отношения к исламу отводилось существенное место. «Египтяне! – читаем в манифесте Бонапарта. – Вам было сказано, что я прибыл в эту страну, чтобы уничтожить вашу религию. Но это явная ложь – не верьте ей <...> я <...> поклоняюсь Всевышнему и почитаю Пророка его и великий Коран <...> Шейхи⁴, кади⁵, имамы⁶, *чорбаджи*⁷, знатные вельможи государства! Скажите своему народу, что французы также истинные мусульмане»⁸. Отметим, что манифест открывался традиционными кораническими инвокациями *би-сми-Ллахи-р-рахмани-р-рахим* («Во имя Бога, милостивого и милосердного») и *Ла илаха илла Ллаху* («Нет Бога, кроме Аллаха»), для того, чтобы расположить к себе верующих.

Одномерный портрет Бунабарди-паши (так величали Бонапарта на арабский манер) как поборника ислама и защитника непреходящих мусульманских ценностей мы обнаруживаем и у его современников, и у ряда исследователей последующих поколений. Нередко писалось о том, что главнокомандующий Восточной армии носил мусульманское одеяние и чалму, посещал публичные пятничные моления в мечетях и вел диспуты на религиозные темы с шейхами, наставниками главного центра схоластической учености Египта – университета ал-Азхар.

Сам же Наполеон весьма саркастически относился к рассказам о своем «обусурманивании». На излете жизненного пути, предаваясь воспоминаниям о Египетском походе на острове Святой Елены, бывший французский император писал: «Я никогда не исповедовал этой религии. Я никогда не молился в мечетях. Я никогда не отказывался от вина и никогда не подвергался обряду обрезания <...> Я просто говорил, что мы друзья мусульман, и что я уважаю их пророка Магомета, что было истинной правдой; я почитаю его

⁴ *Шейх* (араб. *шайх* – «старец») – почетный титул человека, известного своим благочестием.

⁵ *Кади* – мусульманский судья.

⁶ *Имам* – духовное лицо, руководящее богослужением в мечети.

⁷ *Чорбаджи* – офицеры янычарского корпуса.

⁸ *Napoléon I. Correspondance de Napoléon Ier, publ. par ordre de l'empereur Napoléon III. Vol. 1–32. P., 1860. Vol. 4. № 2723; Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 54-55.*

и теперь. Я хотел сделать так, чтобы имамы возносили за меня молитвы в мечетях для того, чтобы народ чтил меня больше, чем это было на самом деле, и подчинялся мне более охотно»⁹. Эта констатация подтверждает то, что у прокламированной французами в самом начале похода в Египет политики веротерпимости и призывах к уважению мусульманских традиций была своя четко заданная прагматическая подоплека.

Не вызывает сомнения то, что «исламофильские» декларации Бонапарта были ничем иным как пропагандистским шагом, призванным укрепить позиции оккупационного режима, установленно-го французскими войсками на захваченной территории. Именно эта задача лежала в основе широковещательного заявления Бонапарта о его плане воздвигнуть в египетской столице мечеть, более грандиозную чем величественная константинопольская Айя-София¹⁰.

Относясь к налаживанию пропагандистского механизма исключительно серьезно, главнокомандующий также санкционировал мероприятия, призванные привлечь на его сторону исповедовавшее ислам население Египта. Были выделены значительные средства на приведение в порядок поврежденной *кисвы* – покрывала на Каабу. Однако намерение французов отправить ее, согласно традиции, в Мекку и покрыть ею главное святилище ислама «от имени Французской республики»¹¹ так и не было реализовано.

Французская администрация ставила себе в заслугу заботу об организации хаджа¹². В преданных широкой огласке письмах, направленных султану Селиму III (1789–1807) и шерифу Мекки¹³ Галибу ибн Мусаиду (1788–1813), говорилось о том, что французы «помогли паломникам вернуться домой (из хаджа 1798 г. – С.К.) и почтили их, дали коня пешему, накормили голодного и напоили жаждущего», а также о том, что будут приложены все усилия,

⁹ Цит. по: *Al-Jabarti, Abd al-Rahman*. Napoleon in Egypt. Al-Jabarti's Chronicle of the French Occupation, 1798 / Transl. by Sh. Moreh, introduction by R.L. Tignor. Princeton; New York, 1993. P. 164-165.

¹⁰ *Martin P.* Histoire de l'expédition française en Egypte. Т. 1–2. Р., 1815. Т. 1. Р. 403. После завершения неудачного Сирийского похода Бонапарт вновь подтвердил свое намерение построить «в Каире большую мечеть, равной которой нет ни в одной стране», хотя утопичность этого проекта была более чем очевидна: *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 209–210; *Наполеон*. Кампании в Египте и Сирии (1798 – 1799 гг.) // *Наполеон*. Избранные произведения. М., 1956. С. 597.

¹¹ *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 373, 370.

¹² *Хадж* – ежегодное паломничество в Мекку, один из пяти «столпов» ислама.

¹³ В рассматриваемый период правитель Хиджаза, номинально признававший верховную власть османского султана.

чтобы должным образом организовать и своевременно оправить в Мекку следующий караван хаджа¹⁴. Однако, хотя в условиях военного времени отдельные паломники на свой страх и риск отправлялись из Египта в святые земли Аравии, за все время пребывания французов у власти организованный хадж так ни разу и не состоялся.

Особое внимание новые правители страны уделяли организации и проведению религиозных и народных празднеств. Маулид (праздник в честь рождения) пророка Мухаммада 1798 г., практически сорванный из-за «застоя в делах и неустойчивости положения», состоялся благодаря выделенной по распоряжению Бонапарта щедрой ссуде в 300 тыс. французских реалов¹⁵. В следующем году маулид Пророка превзошел по размаху аналогичные торжества при мамлюках. С такой же пышностью были отпразднованы маулиды внука пророка Мухаммада – Хусайна 1798 и 1799 гг.¹⁶ Бонапарт предписал строго следовать традиции организации шествия, приуроченного к началу поста в священный месяц рамадан¹⁷, а местным христианам было категорически запрещено совершать действия, оскорбляющие религиозные чувства мусульман, – есть, пить и курить в их присутствии во время канонического поста. «Таким образом, – подчеркивал египетский хронист ал-Джабарти¹⁸, – французские власти стремились привлечь к себе сердца жителей»¹⁹. Сходную мысль высказывал французский дипломат и историк Ф. Шарль-Ру, по словам которого, Бонапарт, поддерживая проведение мусульманских праздников, «прилагал максимум усилий, чтобы удовлетворить природную тягу египтян

¹⁴ Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 93-94.

¹⁵ *Al-Jabarti, Abd al-Rahman*. Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. Muharram – Rajab 1213, 15 June – December 1798. *Tarikh Muddat al-Faransis bi-Misr* / Ed. and transl. by Sh. Moreh. Leiden, 1975. P. 65 (арабский текст) / 37 (перевод); Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 78-79.

¹⁶ Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 94-95, 227-228.

¹⁷ Там же. С. 142-143.

¹⁸ Абд ар-Рахман ал-Джабарти (1753–1825) – выдающийся египетский историограф, автор исторической хроники «Аджаиб ал-асар фи-т-тараджим ва-л-ахбар» (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий). Новейшее аннотированное и снабженное пространными индексами издание этого сочинения вышло в свет в 2013 г.: *Al-Jabarti al-Zaylai al-Hanafi, Abd al-Rahman b. Hasan*. Aja'b al-Athar fi'l-Tarajim wa'l-Akhbar. *The Marvelous Chronicles: Biographies and Events* (на арабском языке). 5 vols. Jerusalem, 2013. Из свежих работ, посвященных ал-Джабарти см.: *Moreh Sh. The Egyptian Historian Abd al-Rahman al-Jabarti: His Life, Works, Autographs, Manuscripts and the Historical Sources of Aja'ib al-Athar*. Oxford, 2014.

¹⁹ Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 147.

к зрелищам и объединить французов и местных жителей посредством совместного участия в торжествах»²⁰.

Каждый шаг, предпринятый в рамках агитационной кампании в поддержку ислама, незамедлительно широко афишировался. Послания с соответствующими разъяснениями расклеивались в людных местах и направлялись правителям *дар ал-ислама*²¹. В одном из таких писем, в частности, шла речь о том, что в Египте «мусульманские обряды строго соблюдаются <...>, что французы – мусульмане, что они почитают Коран и Пророка, <...> что они отпускают средства на раздачу милостыни бедным, празднуют день рождения Пророка и берут на себя все расходы по организации празднования этого дня»²².

Следует отметить то, что поначалу и сами французы, пока земля не стала гореть под их ногами, пытались приспособиться к местным обычаям и образу жизни. Во время поста в месяц рамадан, по сообщению ал-Джабарти, французы приглашали «знатных лиц <...> для совместной трапезы перед восходом и после захода солнца и устраивали для них угощения, обслуживая их за столом согласно принятому у мусульман порядку и обычаю. <...> Они ходили также к жителям в гости, садились за обеденный стол и ели с ними: после захода солнца, соблюдая их порядки и правила и подражая им. Французы так старались привлечь жителей на свою сторону, что этому приходится удивляться»²³. Как свидетельствовал сирийский хронист, современник событий Никула ат-Турк²⁴, многие французы «начали изучать арабский язык и читать Коран, постигать местные манеры и способы обхождения с женщинами, с тем чтобы преодолеть антипатии мусульманского населения»²⁵.

²⁰ Charles-Roux F. Bonaparte: Governor of Egypt / Transl. from the French by E.W. Dickes. L., 1937. P. 87.

²¹ *Дар ал-ислам* (араб. «земля / обитель ислама») – территория безраздельного господства мусульман.

²² *Al-Jabarti*. Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. P. 83 / 57; *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 93

²³ *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 153.

²⁴ Никула ибн Йусуф ат-Турк (1763–1828) – секретарь ливанского эмира Башира II Шихаба (1767–1850). Во время восточного похода Бонапарта он был направлен в Египет с разведывательной миссией для выяснения планов французов в отношении Ливана, пробыл там с 1798 по 1804 г. и составил хронику «Записки Никулы Турка»: *Turc, Nicolas*. Mudhakkirat Niqula Turk. Chronique d'Égypte, 1798–1804 / Éd. et tr. par G. Wiet. Le Caire, 1950.

²⁵ *El-Turki, Nicolas*. Expédition française en Égypte, par Mou'Allem Nicolas el-Turki / Journal d'Abdurrahman Gabarti, pendant l'occupation française en Égypte, suivi d'un précis de la même campagne, par Mou'Allem Nicolas El-Turki, Secrétaire du prince des Druzes. Traduites de l'arabe par Alexandre Cardin. Paris: La Librairie Orientale de M-me V-e Dondey-Dupré, 1838. P. 37.

Наиболее экстравагантно повел себя генерал Жак-Франсуа де Мену (1750–1810), третий главнокомандующий Восточной армии после покинувшего Египет в августе 1799 г. Бонапарта и убитого в июне 1800 г. генерала Жана-Батиста Клебера (1753–1800). Он привлек внимание как египтян, так и соотечественников экстравагантной, мало приемлемой для пятидесятилетнего возраста выходкой, перейдя в мусульманство и приняв имя Абдалла²⁶ для того, чтобы вступить в брак с правоверной, некоей Зубайдой, дочерью смотрителя бань из Розетты. Впрочем, популярности ему это среди местного населения не прибавило.

Один из основных векторов внутренней политики Бонапарта был связан с поиском опоры оккупационного режима в египетском обществе, альтернативной мамлюкам и османским властям. Как писал Бонапарт в своих воспоминаниях, «правление тех и других было в равной степени противно принципам Корана. Первые, рожденные неверными, переходили в ислам неискренне; вторые были жадны, капризны и невежественны»²⁷.

Действительные правители Египта – мамлюки – были объявлены Бонапартом тиранами и угнетателями, повиновавшимися только лишь своим собственным прихотям и давно вышедшими из-под контроля османского султана, к которому, по заявлению французского главнокомандующего, он испытывал искренние симпатии. Оккупацию же одной из богатейших провинций Османской империи Бонапарт стремился прикрыть заявлением о своем стремлении восстановить в Египте действенное султанское правление. Однако дифирамбы в адрес Селима III как великого властителя державы Османов были восприняты падишахом как оскорбительная насмешка захватчиков, прикрывающих его монаршим именем вторжение в его владения. Не случайно, что уже через две недели после высадки французов в Египте марокканскому султану Мулай Слиману (1792–1822) было направлено послание Селима III с гневными выпадами против оккупантов: «Французская нация подняла мятеж и отвергла любую веру как в единого и всеведущего Бога, так и в пророков и апостолов <...> Они не признают догмат о воскрешении из мертвых и Судном дне <...> На всех истинно верующих, где бы то ни было – на Востоке или на Западе, в Персии

²⁶ *Ал-Джабарти, Абд ар-Рахман*. Мазхар ат-такдис би захаб даулат ал-фарансис (Священное знамение о крушении господства французов). Тахкик ва шарх Хасан Мухаммад Джаухар ва Омар ад-Дасуки. Каир: Матба'ат ар-Рисала, 1969. С. 250.

²⁷ *Бонапарт Н.* Египетский поход. СПб.: Азбука, 2000. С. 135.

или в Аравии, лежит святая обязанность использовать все силы и властные полномочия и ценой жизни и имущества изгнать и искоренить эту нацию»²⁸.

В этой ситуации Бонапарт сделал ставку на привлечение на свою сторону высших исламских духовных иерархов Египта – *улама*²⁹ – с целью их активного использования в качестве дееспособных проводников своей политики. Большинство *улама*, в отличие от мамлюков и турок-османов, были египетского происхождения, то есть не чужаками, а соотечественниками. Главнокомандующий Восточной армии рассуждал следующим образом: «Улама, великие шейхи являются вождями арабской нации; они пользуются доверием и симпатией всех жителей Египта, и именно это во все времена возбуждало такую зависть турок и мамлюков и побудило последних держать их вдали от общественных дел. Я не считал нужным подражать этой политике³⁰ <...> Я предпочел *улама* и правоведов, во-первых, потому что они прирожденные лидеры, во-вторых, потому что они толкователи Корана, а наибольшие препятствия, с которыми мы столкнулись и столкнемся в будущем, проистекают из-за религиозных идей, и, в-третьих, потому что *улама* обладают приятными манерами, любят справедливость, богаты, вдохновляются благими моральными принципами <...> и плохо приспособлены к руководству вооруженным движением»³¹. Справедливости ради, следует заметить, что последняя констатация Бонапарта не полностью соответствует действительности, поскольку среди представителей *алимского* корпуса были и такие персонажи, которые выступали в качестве вождей вооруженной оппозиции (хотя их было и немного).

По мере нарастания сопротивления египтян Бонапарт укреплялся в мысли, что необходимо избежать того, чтобы французов «причислили к врагам ислама» и «заслужить доверие *муфтиев*³²,

²⁸ Мубарак, Заки. Маулай Слиман ва-с-саура ал-фарансийа ва Набулйун Бунабарт (1792–1815) (Мулай Слиман, французская революция и Наполеон Бонапарт) // Джамийат Маулай ‘Али аш-шариф ал-харибийа. А’мал ад-даура ар-раби’а. Ар-Рисани, 1992. С. 94-95.

²⁹ ‘Алим (араб., ед.ч. от ‘улама’) – лицо, обладающее знаниями – ‘илм. ‘Улама’ – хранители исламской религиозной традиции, наставники мусульманских духовных училищ – медресе, теологи, блюстители канонического права.

³⁰ Наполеон. Избранные произведения. С. 618.

³¹ Цит. по: El Sayed, Afaf Loutfi. The Role of the *Ulama* in Egypt during the Early Nineteenth Century // Political and Social Change in Modern Egypt. Historical Studies from the Ottoman Conquest to the United Arab Republic / Ed. by P.M. Holt. L.; N.-Y., 1968. P. 271.

³² *Муфтий* (араб. *муфти*) – религиозное должностное лицо, обладающее широкими полномочиями в толковании предписаний шариата.

улама, шерифов³³ и имамов, дабы они толковали Коран в пользу армии»³⁴. В послании генералу Клеберу в связи с его назначением комендантом Александрии Бонапарт призвал его «поддерживать, насколько это возможно, согласие с арабами и проявлять максимальное уважение по отношению к муфтиям и главным шейхам»³⁵.

Среди лиц алимского достоинства, которые могли «подать пример и увлечь за собой общественное мнение Востока»³⁶, французский главнокомандующий выделял шейхов университета ал-Азхар. По мысли Бонапарта, улама главной «кузницы религиозных кадров» Египта, которую он называл «египетской Сорбонной»³⁷, могли способствовать укреплению позиций оккупационного режима путем издания фетв³⁸ в поддержку французских властей. «Получить от этих религиозных светил заключение в пользу французов, – писал Бонапарт, – было бы моральной победой, соотносимой с триумфальным исходом битвы у Пирамид»³⁹ <...> Насущно необходима фетва ал-Азхара, предписывающая народу проявлять повиновение и покорность»⁴⁰.

Контакты с улемским корпусом представлялись Бонапарту жизненно необходимыми. Общаясь с исламскими духовными авторитетами, Бонапарт громогласно заявлял о том, что его появление в Египте было предсказано в Коране. «Сообщите <...> вашему народу, – гласил пассаж одного из обращений Бонапарта, адресованный лицам алимского достоинства, – что Бог еще до создания мира предначертал гибель врагам ислама <...> Еще до создания мира предопределил он, что я приду с запада на египетскую землю, чтобы, погубив тех, кто установил на ней гнет тирании, выполнить его волю. Разумный человек не сомневается в том, что все это делается по воле Бога и так, как он хотел и предопределил»⁴¹.

³³ Шерифы (араб. *шариф* – «знатный, благородный», мн. ч. ашраф, шурафа') – обозначение потомков пророка Мухаммада.

³⁴ Charles-Roux F. Bonaparte: Governor of Egypt. P. 73.

³⁵ Napoléon I. Correspondance de Napoléon Ier. Vol. 4. № 2778.

³⁶ Бонапарт Н. Египетский поход. С. 115.

³⁷ Charles-Roux F. Bonaparte: Governor of Egypt. P. 74.

³⁸ Фетва (араб. *фатва* – «разъяснение») – богословско-правовое заключение по различным юридическим вопросам, которое могло иметь силу закона.

³⁹ Битва у Пирамид 21 июля 1798 г., в которой мамлюки потерпели сокрушительное поражение, решила участь Каира и всего Египта.

⁴⁰ Charles-Roux F. Bonaparte: Governor of Egypt. P. 74-75.

⁴¹ Al-Jabarti, Abd al-Rahman. Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. P. 120 / 96; Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 129.

На начальном этапе экспедиции, следуя указаниям Бонапарта, французы демонстрировали в отношении лояльных к ним видных исламских деятелей подчеркнутое уважение, освобождали от уплаты разорительных контрибуций, облачали их, согласно многовековой османской традиции, в торжественные одежды, так называемые «шубы почета»⁴² и оказывали им иные знаки внимания. При этом не обошлось без курьезов. Как свидетельствует ал-Джабарти, Бонапарт в знак благоволения возложил на ректора университета ал-Азхар шейха Абдаллу аш-Шаркави (1737–1812) ленту цветов флага Французской республики. Многоуважаемый алим вскипел негодованием и сбросил ее на глазах присутствующих, не желая уронить «свое достоинство перед Богом и братьями <...> - мусульманами»⁴³. Тогда Бонапарт, с трудом стерпевший афронт аш-Шаркави, все же отдал распоряжение заменить броские ленты на более скромные кокарды и самолично прикрепил одну из них к халату достопочтенного шейха Абу-л-Анвара ас-Садата (ум. в 1813 г.). Тот молча перенес эту процедуру, расцененную им как публичное унижение, но, распрощавшись с Бонапартом, тут же избавился от нежелательного знака отличия⁴⁴.

Вырабатывая модель управления оккупированными территориями, французы взяли курс на внедрение двухуровневой административной системы, сочетающей привнесенные и местные властные структуры. При этом, ориентируясь на сохранение традиционных для Египта институтов государственной власти – диванов⁴⁵, французы не предполагали наделять их широкими полномочиями, а намеревались использовать в первую очередь для легализации мероприятий колониального режима. При этом подчеркивалось то, что диваны создавались для «удовлетворения нужд населения и успокоения всех жителей Египта <...> а также для того, чтобы установить наилучший порядок и управление»⁴⁶.

Главная роль в работавших при французах диванах была отведена именно представителям духовного сословия, которые за-

⁴² Церемониальная почетная одежда (осм. *хил 'ат-и фахире*) жаловалась придворным, сановникам, религиозным иерархам и почетным гостям в знак благорасположения, в благодарность за верную службу, при вступлении в должность и др.

⁴³ *Al-Jabarti. Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. P. 72 / 45; Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 81.*

⁴⁴ *Al-Jabarti. Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. P. 73 / 46; Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 82.*

⁴⁵ *Диван* – собрание вельмож при государе с совещательными, исполнительными, судебными и законодательными функциями.

⁴⁶ *Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 140.*

няли место отстраненных от власти мамлюков. В состав первого каирского дивана, сформированного 25 июля 1798 г., вскоре после вступления французских войск в столицу Египта, были введены 10 виднейших шейхов⁴⁷, которые в своем большинстве участвовали в работе последующих центральных столичных диванов, функционировавших во время французской оккупации. Последствия этого кардинального решения отечественный арабист Ф.М. Ацамба оценивает следующим образом: «После создания дивана улама оказались в совершенно непривычной для себя роли. Это был беспрецедентный случай в истории тогдашнего арабо-мусульманского мира, когда светский представительный орган полностью состоял из слугителей культа <...> они утрачивали свой прежний, традиционный, утвердившийся в течение трех веков османского владычества статус беспристрастных судей, незаинтересованных посредников между верхами и низами и независимых выразителей интересов всего египетского общества. Согласившись войти в состав организуемого французами дивана, они в значительной мере принимали на себя ответственность наряду с завоевателями за все происходящее в провинции»⁴⁸.

Однако возможности, которыми располагали заседавшие в диване улама, были крайне ограничены, поскольку, во-первых, французы не предполагали наделять диваны иными функциями кроме совещательной, и, во-вторых, их деятельность жестко контролировалась французскими советниками, которые блокировали те решения или предложения, которые не соответствовали интересам оккупационного режима⁴⁹.

Реорганизации центрального и провинциальных диванов были обусловлены поисками оптимального соотношения между французской и местной администрацией, которое гарантировало бы безусловное верховенство французов в политической сфере. При

⁴⁷ *Al-Jabarti*. Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. P. 56 / 28; *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 68.

⁴⁸ Ацамба Ф.М. Религиозная политика французских оккупационных властей в Египте в 1798–1801 гг. (Бонапарт, Клебер, Мену) // Вестник Московского Университета. Сер. 13. Востоковедение. 1995. № 4. С. 55.

⁴⁹ По свидетельству ал-Джабарти, не прошло и двух месяцев, как «французы начали проявлять пренебрежение к дивану (первого созыва. – С.К.) <...> В течение многих дней шейхи продолжали собираться, но никто к ним не обращался. Тогда они прекратили свои заседания, и французы не требовали, чтобы они их продолжали»: *Al-Jabarti*. Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. P. 79 / 52; *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 88.

этом в столичных диванах второго и третьего «созыва» наиболее многочисленная группа депутатов была представлена улама, а последний четвертый диван (ноябрь 1800 – июль 1801 гг.), организованный в период французского присутствия в Египте, как и первый, целиком состоял из представителей алимского корпуса. Этот факт говорит о том, что и на завершающем этапе Восточного похода французы рассчитывали на союз с исламскими духовными лидерами, который, по их убеждению, давал им возможность узаконивать свою власть в глазах правоверных мусульман. Согласно ферману⁵⁰ верховного главнокомандующего Ж. Мену, последний диван был учрежден для того, чтобы лучшие умы Египта в лице достопочтимых шейхов «стали посредниками между французскими властями и мусульманами», помогали устанавливать истину, разъясняли населению принимавшиеся французскими властями решения и следили за их неукоснительным исполнением⁵¹.

Привлечение улама к управлению Египтом лишало их былой независимости и ставило под неусыпный контроль оккупационных властей. Что же подвигало тех или иных представителей алимской корпорации на контакт с оккупантами? Это могли быть мотивации меркантильного характера, инстинкт самосохранения и боязнь за судьбу близких, а также, хотя и в крайне редких случаях, живое любопытство и желание познакомиться с иной культурой. В любом случае не следует голословно осуждать всех шейхов, контактировавших с французами, и обвинять их в вероломстве и в измене родине.

Став «партнерами» французов, улама получили возможность защищать интересы своих соотечественников и хотя бы пытаться ограничивать произвол, чинимый завоевателями. Служители ислама высшего ранга продолжали исполнять традиционную для них миротворческую миссию, выступая в качестве посредников между египтянами и французами. Они свидетельствовали в пользу опальных мамлюков, заступались перед французскими властями за торговцев и ремесленников, требуя налоговых послаблений⁵² и снижения размеров контрибуций, ходатайствовали о со-

⁵⁰ Ферман (тур.; перс. *фарман* – «приказ, повеление») – указ, или эдикт.

⁵¹ Le Diwan du Caire 1800–1801. Édition, analyse et annotation du texte d’Ismail El-Khashshab par Mohammad Afifi et André Raymond avec un avant-propos de Jean-François Clement et une note de Marie-Geneviève Guesdon. Le Caire; P., 2003. P. 82.

⁵² Показательно то, что уже в первый месяц работы первого центрального дивана шейхам ал-Азхара удалось убедить французов вдвое сократить размер налога, которым были

блюденнии имущественных прав египтян покинувших Египет и выступали против конфискации их собственности без их ведома, отстаивали интересы паломников, добиваясь гарантий их неприкосновенности, заботились о пострадавших вдовах и сиротах. Это в полной мере подтверждают материалы хроники заседаний четвертого каирского дивана за 1800–1801 гг.⁵³

Не посягнув на традиционные органы управления, оккупационные власти также не стали менять шариатскую судебно-юридическую систему Египта, которая номинально была оставлена под контролем Высокой Порты⁵⁴. Маскируя истинные цели экспедиции путем поддержания иллюзии сохранения османского верховенства над Египтом, Бонапарт на первых порах распорядился оставить присланных из имперского центра кади на ключевых судебных постах Египта. Однако, понимая, что османские шариатские кади не смогут стать эффективными помощниками французской администрации, тем более что в сентябре 1798 г. османский падишах объявил вторгшимся в пределы дар ал-ислама иноземцам джихад⁵⁵, главнокомандующий Восточной армии осознанно продолжил политику мамлюков по замене османских кади на шариатских судей из числа египтян. «Вы должны разъяснить жителям Египта, – наставлял Бонапарт членов дивана, – что власть Турции над Египтом закончилась и что турецкое господство было еще более тяжким и тираническим, чем господство мамлюков. Всякий разумный человек понимает, что египетские улама в большей степени, чем кто-либо в других странах, обладают умом, способностями и знанием законов шариата⁵⁶, необходимыми для того, чтобы руководить судебным ведомством»⁵⁷. В июле 1799 г. на пост

обложены члены ремесленных цехов, а также отсрочить его уплату: *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 73.

⁵³ Le Diwan du Caire 1800–1801. Этот источник, увидевший свет по инициативе выдающегося французского османиста Андре Рэмона (1925–2011), включает публикацию двух арабских рукописей: в первой содержится подробное описание заседаний четвертого дивана в период с ноября по декабрь 1800 г., во второй – материалы, посвященные работе этого дивана с июня по июль 1801 г.

⁵⁴ Высокая Порта (осм. *баб-и 'али*; араб. *ал-баб ал-'али*) – наиболее часто используемое наименование центрального аппарата власти Османской империи.

⁵⁵ *Джихад* (араб. «усилие») – борьба за веру; обычно означает вооруженную борьбу с неверными во имя торжества ислама.

⁵⁶ *Шариат* (араб. *шари'а* – букв. «прямой, правильный путь») – общее учение об исламском образе жизни, комплекс предписаний, обязательных для исполнения мусульманами и содержащихся преимущественно в Коране и сунне.

⁵⁷ *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 213.

главного судьи Египта был назначен авторитетный египетский законовед Ахмад ал-Ариши (ум. в 1803/04 г.), занимавший эту должность с небольшим перерывом до конца оккупации. Одновременно было заявлено, что все посты кади в стране будут занимать только египтяне, и шариатские судьи будут замещаться путем выборов с утверждением избранных лиц главнокомандующим французской армии. В конце 1800 г. были избраны и утверждены трое судей, но более выборов не проводилось⁵⁸, поскольку время присутствия французов на египетской земле было на исходе.

Обрисовывая основные контуры политики французов в религиозной сфере, следует особо подчеркнуть ее непоследовательность. В частности, это касается одного из основополагающих универсальных институтов ислама – вакфов⁵⁹. Бонапарт не раз озвучивал гарантии неприкосновенности вакфов и сохранения их налогового иммунитета⁶⁰. Однако в рамках широко практиковавшейся французами политики «налогового террора» вакуфные земли были обложены поземельным налогом, чему предшествовала перерегистрация вакфов и их частичная конфискация в случае отсутствия документального подтверждения прав на их владение⁶¹. Таким образом, были непосредственно затронуты имущественные интересы служителей ислама, поскольку вакуфные поступления представляли собой один из основных источников их доходов, и, как результат этого шага, усилилась зависимость духовных авторитетов от оккупационной администрации. Естественно, что фискальная политика французов в отношении вакфов, воспринятая служителями ислама как покушение на устои религии пророка Мухаммада, не способствовала налаживанию диалога между ними и французами.

О безоговорочном доверии шейхов к французам не могло идти и речи, сколько бы новые властители страны не уверяли «известных своими глубокими познаниями достойных улама» в том, что

⁵⁸ *Napoléon I. Correspondance de Napoléon Ier. Vol. 4. № 4350; Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 339, 370.* С уходом французов пост главного судьи Египта был вновь монополизирован османами, и в стране была восстановлена зависимость шариатских органов правосудия от османских властей.

⁵⁹ *Вакфы* (араб. *вакф*, мн.ч. *аукаф* и *вукуф*) – земли и имущество духовных мусульманских организаций, переданные им с благотворительными или религиозными целями, не подлежащие отчуждению и пользовавшиеся налоговыми и правовыми льготами.

⁶⁰ См., например: *Napoléon I. Correspondance de Napoléon Ier. Vol. 4. № 2902, № 3074; Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 209.*

⁶¹ *Ал-Джабарти. Указ. соч. С. 357.*

те являются «представителями Французской республики» в Египте⁶². Несмотря на массивную пропагандистскую кампанию, как Бонапарту, так и его преемникам на посту главнокомандующего армией, не удалось убедить египтян в искренности своих происламских деклараций. «Все это, – подчеркивал хронист Никула ат-Турк, выражая доминирующее общественное мнение, – только хитрость и обман, чтобы соблазнить нас»⁶³. В намного более жестком ключе отзывался о французах представитель османского алимского сословия 'Иззат Хасан-эфенди ад-Дарандали, личный летописец великого везира⁶⁴ Йусуфа Зийа-паши, возглавившего османскую армию, посланную султаном против Бонапарта. По его словам, французские агрессоры – «безбожники», которые «оскверняют писание Аллаха и глумятся над ним»⁶⁵.

Не будем забывать то, что с момента высадки французов в Египте происламская риторика сопровождалась запугиванием и ожесточенным преследованием тех, кто им не подчинился. Уже в первом воззвании Бонапарта к египетскому населению прозвучала прямая угроза расправы с теми, кто встанет на путь вооруженного сопротивления: «Не найдут они после этого пути к спасению и бесследно исчезнут»⁶⁶. С течением времени тон обращений к жителям Египта становился все более зловещим. «Вы не должны <...>, – гласило воззвание, составленное по горячим следам Первого каирского восстания (октябрь 1798 г.), – слушать советы смутьянов и речи предателей <...> Мы доводим до вашего сведения, что лица, подстрекавшие к восстанию, истреблены до последнего. Бог избавил от них своих рабов и страну. Не вступайте на гибельный путь»⁶⁷.

В любом случае призывы и лозунги, генерируемые пропагандистской машиной, превращались в пустой звук под напором нужд военного времени. Сразу же после Первого каирского восстания в рамках оборонных мероприятий и строительства фортификацион-

⁶² Там же. С. 367, 382.

⁶³ Турк, Никула. *Музакират Никула Турк*. С. 78; *El-Turki, Nicolas*. *Expédition française en Égypte*. P. 37.

⁶⁴ *Великий везир* (араб. *вазир*; синоним – *садразам*) – высший государственный сановник Османской империи, глава аппарата центральной власти.

⁶⁵ *Ад-Дарандали, 'Иззат Хасан-эфенди*. *Ал-Хамла ал-фарансийа 'ала Миср фи дау' махтут 'усманий*. Махтута "Зийа-нама" ли-д-Дарандали (Французское нашествие на Египет в свете османской рукописи "Зийа-нама" ад-Дарандали). Исследование и перевод Джамала Са'ида Абд ал-Гани. Каир, 1999. С. 254.

⁶⁶ *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 56.

⁶⁷ *Al-Jabarti*. *Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt*. P. 109 / 83; *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 111-112.

ных сооружений началось разрушение столичных культовых зданий. В летописи ал-Джабарти мы обнаруживаем описания актов вопиющего вандализма в отношении культурно-религиозных памятников и мест поклонения. Хронист пишет: «Они (французы. – С.К.) разрушали <...> мечети, *завийи*⁶⁸ религиозных братств и усыпальницы. Они обезобразили безупречную в своем благородстве Великую Мечеть, построенную человеком, прославившимся своими деяниями, Мухаммадом ибн Калауном ал-Маликом ан-Насиром⁶⁹. Они уничтожили *минбар*⁷⁰, демонтировали галерею, забрали отсюда все дерево, расшатали колонны, сломали <...> железную ограду чудесной изысканной работы, около которой султан предавался молитвам. Они вели себя так, как могли поступить только враги религии»⁷¹. Была повреждена старейшая каирская мечеть Амра ибн ал-Аса⁷² – с нее сняли все деревянные конструкции⁷³. Полуразрушенные культовые здания использовались как форты, складские помещения или торговые точки. Были взорваны и сравнены с землей многочисленные гробницы на расположенном в центре Каира обширном кладбище ал-Карафа, чтобы предотвратить их использование в качестве строительного материала для повстанческих укреплений⁷⁴.

Наиболее мощный психологический эффект вызвал ужасающий разгром и «осквернение самого священного места в городе»⁷⁵ – соборной мечети ал-Азхар, послужившей центром Первого каирского восстания. Согласно весьма эмоционально окрашенному описанию ал-Джабарти, пехотинцы ворвались туда «как дикие козы», а некоторые французы въехали в мечеть верхом и, привязав лошадей к *кибле*⁷⁶, начали буйствовать и грабить все, что попадалось под руку. По словам летописца, «разорвав книги и свитки Корана, они разбрасывали обрывки по полу и топтали их ногами»⁷⁷.

⁶⁸ *Завийа* – обитель, место совместного проживания последователей мистико-аскетического направления в исламе – суфиев и отправления ими религиозных предписаний.

⁶⁹ Мухаммад ибн Калаун (1285–1341) – мамлюкский султан Египта.

⁷⁰ *Минбар* – трибуна для проповедника в пятничной мечети.

⁷¹ *Al-Jabarti*. *Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt*. P. 81-82 / 55.

⁷² Амр ибн ал-Ас (ум. в 664 г.) – выдающийся деятель раннего ислама, завоеватель Египта.

⁷³ *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 428.

⁷⁴ Там же. С. 412.

⁷⁵ Там же. С. 106.

⁷⁶ *Кибла* – священный ориентир, в направлении которого совершается обряд мусульманской молитвы.

⁷⁷ *Al-Jabarti*. *Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of*

И далее в ранних версиях описания хронистом Восточного похода Бонапарта следует комментарий ал-Джабарти, который не вошел в окончательную редакцию летописи: «То, что они (французы. – С.К.) сотворили с ал-Азхаром, они не посчитали предосудительным, поскольку они противники религии, полные злобы враги, торжествующие победу над покоренными <...> Той ночью армия Всевышнего (дословно «армия ар-Рахмана» – Всемилошного – эпитет Аллаха) уступила воинству шайтана (*ва а'та тилкал-лайла джайш ар-Рахман фусхат ли джайш аш-шайтан*)»⁷⁸.

На завершающем этапе экспедиции, когда ее исход был предопределен, французы, как свидетельствовал ал-Джабарти, «стали относиться к мусульманам с еще большим презрением и неприязнью»⁷⁹. Генерал Мену усмирлял непокорную страну без жалости и снисхождения. «О вы, жители Египта и богохранимого Каира! – гласило одно из его воззваний, тем более злое, поскольку в нем присутствуют элементы происламской риторики, – <...> если кто-либо из вас <...> начнет проявлять враждебность к Французской республике, то, клянусь великим Аллахом и его почитаемым посланником, голова этого преступника упадет в тот же час»⁸⁰. Применение практики удержания заложников в отношении членов алимского корпуса и полное игнорирование мнения членов дивана⁸¹ привели к окончательному разрыву между французами и исламскими духовными авторитетами. «Вакуум», разделявший «Своих» и «Чужих», так и остался незаполненным.

Сколько бы усилий не прилагали оккупационные власти, чтобы доказать, что «французская нация, единственная среди всех европейских наций всегда любила мусульман и их религию и ненавидела язычников»⁸², происламская пропаганда разбивалась о жестокую реальность военного времени. Усиление налогового пресса, постоянное увеличение размеров контрибуций, легших тяжким бременем на все слои египетского населения, террор, грабежи и насилие – все это предопределило нарастающее чувство

Египт. Р. 101 / 74; *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 105.

⁷⁸ *Ал-Джабарти*. Мазхар ат-такдис би захаб даулат ал-фарансис. С. 103. См. также: *Al-Jabarti*. *Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt*. Р. 101 / 75.

⁷⁹ *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 350.

⁸⁰ Там же. С. 379.

⁸¹ Там же. С. 388-389.

⁸² *Al-Jabarti*. *Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt*. Р. 111 / 85; *Ал-Джабарти*. Указ. соч. С. 116.

отторжения, которое испытывали жители Египта по отношению к неожиданным заморским пришельцам. Египтяне встретили уход французского экспедиционного корпуса с несказанной радостью. Как писал Никула ат-Турк, «шейхи, улама, ага⁸³, оджаклы⁸⁴, главные негодянты <...> горячо приветствовали избавление Египта от неверных и реставрацию исламских порядков»⁸⁵.

После того, как французы отчалили от недружественных египетских берегов, в стране наступило «смутное время», период хаоса и ожесточенной борьбы за власть. И хотя французы так и не обрели в лице алимского корпуса преданных и искренних союзников, тот факт, что они инкорпорировали их во властный механизм, открыл перед исламской духовной элитой невиданные ранее перспективы. Заняв ведущие позиции в политической жизни Османского Египта и ощутив возможность реализации обретенных политических амбиций, улама привели к власти нового правителя страны, своего ставленника Мухаммада Али⁸⁶.

Список литературы

- Ал-Джабартти, Абд ар-Рахман.* Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801). Перевод с арабского, предисловие и примечания И.М. Фильштинского. М.: Наука, 1962. [Al-Jabarti, Abd ar-Rahman. Egiptet v period ehkspedicii Bonaparta (1798–1801). Perevod s arabskogo, predislovie i primechanija I.M. Fil'shtinskogo. M.: Nauka, 1962].
- Ацамба Ф.М.* Религиозная политика французских оккупационных властей в Египте в 1798–1801 гг. (Бонапарт, Клебер, Мену) // Вестник Московского Университета. Сер. 13, Востоковедение. 1995, № 4. С. 49-71 [Acamba F.M. Religioznaja politika francuzskih okkupacionnyh vlastej v Egipte v 1798–1801 gg. (Bonapart, Kleber, Menou) / Vestnik Moskovskogo Universiteta, serija 13, Vostokovedenie, № 4, 1995. S. 49-71.].
- Наполеон Бонапарт.* Египетский поход. СПб.: Азбука, 2000. [Napoleon Bonapart. Egipetskij pokhod. St Petersburg: Azbuka, 2000].
- Наполеон.* Избранные произведения. М.: Воениздат, 1956. [Napoleon. Izbrannye proizvedenija. M.: Voenizdat, 1956].

⁸³ *Ага* – титул военачальника, который носили командующие размещенных в Египте османских воинских соединений.

⁸⁴ *Оджаклы* – члены османских воинских корпусов - оджаков.

⁸⁵ *El-Turki, Nicolas.* Expédition française en Égypte. P. 43.

⁸⁶ Мухаммад Али (1769–1849) – паша (правитель) Египта в 1805–1848 гг.

- Al-Darandali, 'Izzat Hasan Efendi.* Al-Hamlah al-Faransiyah 'ala Misr fi daw makhtut Uthmani: makhtutat "Diya Namah" li'l-Darandali. Dirasat wa tarjamat Jamal Sa'id Abd al-Ghani. Al-Qahira: Al-Hayya al-Misriyya al-'Amma li'l-kitab, 1999.
- Al-Jabarti al-Zaylai al-Hanafi, Abd al-Rahman b. Hasan.* Aja'b al-athar fi'l-tarajim wa'l-akhbar. The Marvelous Chronicles: Biographies and Events. 5 vols. Jerusalem: Printiv Press, 2013.
- Al-Jabarti, Abd al-Rahman.* Al-Jabarti's Chronicle of the First Seven Months of the French Occupation of Egypt. Muharram – Rajab 1213, 15 June – December 1798. Tarikh muddat al-Faransis bi-Misr. Edited and translated by Shmuel Moreh. Leiden: E.J.Brill, 1975.
- Al-Jabarti, Abd al-Rahman.* Mazhar al-taqdis bi-dhahab dawlat al-Faransis. Tahqiq wa sharh Hasan Muhammad Jawhar va Omar al-Dasuqi. Al-Qahira: Matba't al-Risala, 1969.
- Al-Jabarti, Abd al-Rahman.* Napoleon in Egypt. Al-Jabarti's Chronicle of the French Occupation, 1798. Translation by Shmuel Moreh, introduction by Robert L. Tignor. Princeton; New York: Markus Wiener Publishing, 1993.
- Charles-Roux F.* Bonaparte: Governor of Egypt. Translated from the French by E.W. Dickes. London: Methuen and Co. Ltd., 1937.
- Crabbs Jr., Jack A.* The Writing of History in Nineteenth-Century Egypt. A Study in National Transformation. Cairo: The American University in Cairo Press, 1984.
- El Sayed, Afaf Loutfi.* The Role of the *Ulama* in Egypt during the Early Nineteenth Century // Political and Social Change in Modern Egypt. Historical Studies from the Ottoman Conquest to the United Arab Republic. Edited by P.M. Holt. London; New York: Oxford University Press, 1968.
- El-Turki, Nicolas.* Expédition française en Égypte, par Mou'Allem Nicolas el-Turki // Journal d'Abdurrahman Gabarti, pendant l'occupation française en Égypte, suivi d'un précis de la même campagne, par Mou'Allem Nicolas El-Turki, Secrétaire du prince des Druzes. Traduites de l'arabe par Alexandre Cardin. Paris: La Librairie Orientale de M-me V-e Dondey-Dupré, 1838.
- Le Diwan du Caire 1800–1801.* Édition, analyse et annotation du texte d'Ismail El-Khashshab par Mohammad Afifi et André Raymond avec un avant-propos de Jean-François Clement et une note de Marie-Geneviève Guesdon. Le Caire; Paris: Impr. au Caire, 2003.

-
- Martin P.* Histoire de l'expédition française en Egypte. T. 1–2. Paris: J.-M. Eberhart, 1815.
- Moreh Sh.* The Egyptian Historian Abd al-Rahman al-Jabarti: His Life, Works, Autographs, Manuscripts and the Historical Sources of Aja'ib al-Athar. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Mubarak, Zaki.* Mulay Sliman wa-l-thawra al-faransiyya wa Nabulyun Bunabart (1792–1815) // Jam'iyya Mulay 'Ali al-sharif al-harifiyya. A'mal al-dawra al-rabi'a. Al-Risani, 1992.
- Napoléon I.* Correspondance de Napoléon I-er, publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. Vol. 1–32. Paris: Imprimerie Imperiale. Vol. 4, 1860.
- Turc, Nicolas.* Mudhakkirat Niqula Turk. Chronique d'Égypte, 1798–1804. Éditée et traduite par Gaston Wiet. Le Caire: Imprimerie de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1950.
-

Svetlana N. Kirillina

**BUNABARDI PASHA AND “ARMY OF SHAITAN”:
ISLAM IN THE POLICY OF THE EASTERN EXPEDITION
OF BONAPARTE 1798–1801**

The goal of this article is to analyze the main features and the outcome of the policy in the religious sphere pursued by the French authorities during the Bonaparte's campaign in Ottoman Egypt. The French launched the propaganda campaign in favor of Islam which included showing respect to the religion of the country, support of the annual Islamic pilgrimage to Mecca and traditional Muslim festivals. This campaign was aimed at winning over the local Muslims who regarded the invaders as impious strangers. The preferential treatment was given to the Islamic institutions and high religious dignitaries – sheikhs and ulama. They were considered as a main local social power to be used as a backbone of the occupation regime. Anyhow, the pro-Islamic declarations and actions of the French administration didn't prevent the inevitable consequences of the military presence in the alien country. The author answers the question – what were the reasons for the failure of the religious policy conducted by Bonaparte and his successors, commanders-in-chief of the French army in Egypt – Generals Kléber and Menou.

Keywords: Bonaparte, Ottoman Egypt, Ottoman Empire, Islam, Islamic institutions